

**Государственная политика
памяти как пространство диалога
и фактор национальной консолидации**

КРЮКОВ Анатолий Владимирович

*Кандидат исторических наук,
ученый секретарь Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
г. Краснодар, Россия.
Электронная почта: anatoly.kryukow@yandex.ru.*

**The State Politics of Memory
as a Dialogue Space
and the Factor of National Consolidation**

Anatoly V. KRYUKOV

*Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary,
Southern Branch of Russian Research Institute of the
Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: anatoly.kryukow@yandex.ru*

Аннотация

Автор рассматривает методологические ракурсы научного осмысления государственной политики памяти. При этом выделяются и характеризуются инструменталистский, системный и конструктивистский подходы к изучаемой проблеме. Отмечается, что субъектами политики памяти является не только государство и его институты, но и различные общественные организации и сообщества. Предложено применение диалогической концепции (М. М. Бахтин, В. С. Библер) для осмысления и проектирования политики памяти. Диалог между различными субъектами в пространстве политики памяти должен реализовываться на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, принимаемых и разделяемых сторонами диалога. Формируемая при этом оценка событий прошлого станет совокупным результатом консенсуса государств и общества и обеспечит государственной политике памяти роль мощного фактора национальной консолидации и упрочения позиций России в современном меняющемся мире.

Ключевые слова: культурное наследие, история, Россия, политика памяти, историческая политика, диалог, традиционные ценности, национальная консолидация.

Abstract

The author considers the methodological angles of scientific understanding of the state politics of memory. The instrumentalist, systemic and constructivist approaches to the problem are defined and characterized. It is noted that the subjects of the politics of memory are not only the state and its institutions, but also a variety of non-governmental organizations and communities. The use of the concept of

dialogue (by M. M. Bakhtin and V. S. Bibler) for understanding and designing the politics of memory is proposed. Dialogue between the different actors in the space of the politics of memory should be implemented on the basis of traditional intellectual and moral values shared by the parties to the dialogue. The evaluation of the past formed herewith will be the cumulative result of a consensus of society and government. The politics of memory will become a powerful factor of the national consolidation and strengthening of Russia's position in today's changing world.

Keywords: cultural heritage, history, Russia, the politics of memory, historical policy, dialogue, traditional values, national unity.

История России отмечена многочисленными событиями, которые, будучи отражены в сознании потомков, оказывали впоследствии значительное влияние на их жизнь, мировоззрение и гражданское самосознание. Историческое и культурное наследие, являясь живым напоминанием о славных, героических и трагических страницах российской истории, представляет собой поистине неисчерпаемый источник развития и совершенствования многих сфер общественной жизни. Наследие прошлого признается достоянием всего многонационального народа России, что определяет его ведущую роль в качестве основы, цементирующей российское общество, придающей ему черты сложной, многогранной, постоянно меняющейся, но вместе с тем единой системы, элементы которой тесно и органично интегрированы за счет исторически сложившихся взаимных отношений и связей.

Обращение к историко-культурному наследию помогает избежать обострения противоречий, порой возникающих на сложных путях общественного развития. Данный тезис как нельзя лучше применим к сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, от состояния которой во многом зависит стабильное функционирование, прогресс и безопасность как социума, так и государства. Именно поэтому вопросы этноконфессиональной политики во все периоды истории нашей страны находились в фокусе внимания органов власти, особенно рельефно актуализируясь в переломные моменты, когда различные вызовы внешнего и внутреннего характера обуславливали необходимость консолидации всех здоровых сил общества ради сохранения суверенитета, независимости и территориальной целостности нашей страны, обеспечения лучшего будущего для ее граждан.

Исторические и культурные ценности, составляющие наследие народов нашей страны, использовались в качестве ресурсной базы национальной и конфессиональной политики даже в то время, когда меры, предпринимаемые государством в плане гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений не имели концептуализированного выражения. Отличительной чертой современного Российского государства является целостность и научная обоснованность различных направлений его политики, при этом значение историко-культурного наследия как средства социальной интеграции лишь усиливается: являясь промежуточным звеном, опосредующим регулирующее воздействие государства, придающим предметный смысл его диалогу с обществом, оно становится своеобразной «мягкой силой», стимулирующей и корректирующей социально-консолидационные процессы через обращение

к примерам прошлого и актуализацию традиционных ценностей.

Формирование гражданского общества, принципы развития которого основаны на системе традиционных духовно-нравственных ценностей, является важнейшим звеном в ряду условий обеспечения государственного суверенитета, укрепления безопасности Российской Федерации, устойчивого социально-экономического развития страны, культурного прогресса населяющих ее народов. Кроме того, повышение уровня гражданского самосознания, широкое распространение идей патриотизма следует признать одними из главных факторов (и одновременно следствий) упрочения позиций России в меняющемся мире. Для процесса становления и развития гражданско-государственной идентичности огромное значение имеют усилия самого государства, предпринимаемые в направлении упрочения национальной консолидации, которая может осуществляться не только и не столько на основе общности территории, сколько на фундаменте общих ценностных принципов и ориентиров.

Среди источников общенациональной консолидации особенно мощным объединяющим потенциалом обладает уважение к общему прошлому, к культурному наследию, которое выступает в качестве незыблемого основания для «формирования культурной идентичности нации, ее духовности и исторической памяти» [4, с. 96]. Наследие прошлого, как материальное, так и нематериальное, воспринимается современным государством, заинтересованным в сохранении гражданского мира и единства, и как значительный по своему аксиологическому потенциалу ресурс, актуализация которого в созидательном ключе безусловно способствует общественному прогрессу и, как правило, полностью соот-

ветствует стратегическим целям государственного развития. Таким образом, отношение государства к минувшему отнюдь нельзя охарактеризовать как «пассивное созерцание» — более того, оно является важной составляющей государственной политики, получившей наименование «политики памяти». Данный термин получил первоначальное распространение в англоязычной научной литературе (politics of memory), однако не является единственным в своем роде, поскольку ряд авторов для характеристики данного направления деятельности государства употребляют понятие «историческая политика». Его возникновение в 80-х гг. прошлого века связано с общественно-политической деятельностью канцлера ФРГ Гельмута Коля, который последовательно проводил идею о том, что «немцы достаточно пострадали от Гитлера и неизбежной памяти о нацистских преступлениях. Более позитивная картина немецкого прошлого была необходима, чтобы убедить всех, что немецкая история представляла собой нечто большее, чем аномальную историческую траекторию, приведшую к 1945 г.» [15, с. 96]. При этом федеральный канцлер считал необходимым «возродить и восстановить старые понятия, такие как Vaterland (Отечество) и Volk (народ). Он стремился отделить этнокультурные идиомы от их нацистских коннотаций» [14, p. 258 — 259].

Данные идеи легли в основу доктрины исторической политики Г. Коля, который, будучи по образованию историком и обществоведом, понимал всю важность актуали-

---

* Иннаугурационная речь Г. Коля, в частности, содержала идею о страданиях немцев в течение Второй Мировой войны, одновременно подчеркивался их вклад в реконструкцию государства после краха гитлеровского режима.

зации исторического наследия. В последующих дискуссиях немецких историков линия, проводимая федеральным канцлером и поддержанная рядом немецких историков подверглась ожесточенной критике со стороны более многочисленной части профессионального исторического сообщества Германии. Само понятие «историческая политика» (*Geschichtspolitik*) использовалось оппонентами Г. Коля и до сих пор подчас воспринимается через призму негативно-критических коннотаций.

Термины «политика памяти» и «историческая политика» в большинстве случаев употребляются как синонимы, однако некоторые авторы соотносят их как целое и часть. Так, А. И. Миллер, анализируя ряд терминов и терминологических сочетаний, связанных с рассматриваемой проблемой, указывает, что политика памяти «касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» [8]. Более позднее определение, данное ученым пять лет спустя, несколько более конкретно: политикой памяти он называет «всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализацию, а также практики коммеморации и преподавания истории» [7, с. 114]. В то же время историческая политика понимается А. И. Миллером как частный случай политики памяти, которому присущи активное участие властных структур, конфронтационность и преследование партийных интересов [7, с. 114].

К настоящему времени существует несколько подходов к трактовке государственной политики памяти. Так, сторонники инструменталистского подхода полагают, что она служит исключительно целям и интересам политических элит. В частности, по мнению историка и специалиста в области изучения культурного наследия Расы

Чепайтене (Институт истории Литвы), к политике памяти имеют прямое отношение самые разнообразные объекты: «репрезентации культурной памяти, знаки, ритуалы и места», в которых выражается «выбор части общества, имеющей сознательную силу, — политической и экономической элиты, — что воспринимать и упоминать из всей сокровищницы событий и личностей прошлого» [11, с. 37].

Более жесткой инструменталистской окраской отличается трактовка исторической политики в версии германских историков, поддерживавших идеи Гельмута Коля. В частности, его бывший советник Михаэль Штюрмер в середине 1980-х гг. на страницах известного издания Франкфуртер Альгемайне Цайтунг, моделируя воображаемый образ страны, лишенной прошлого, писал: «В стране без истории тот, кто питает память, формирует понятия, и интерпретирует прошлое — завоюет будущее» (цит. по: [14, р. 258]). Иными словами, прошлое, наследие, концепты, связанные с ним, их актуализация — все это в понимании германских теоретиков исторической политики превращается в своеобразный инструмент, предназначенный для достижения политических целей.

Взглядам Михаэля Штюрмера и его единомышленников Эрнста Нольте, Андреаса Хильгрубера и др. на природу и сущность политики в отношении прошлого достаточно близка позиция современного российского историка А.И. Миллера, упомянутого выше в связи с его терминологическими изысканиями. Так, принадлежащее ему определение политики памяти (см. выше) можно интерпретировать как «модернизированное» высказывание М. Штюрмера, только «питание памяти» в нем заменено «коммеморацией», интерпретация прошлого — преподаванием истории, формирование понятий — концепту-

ализацией. Не оставляет никаких иллюзий относительно инструменталистской ориентации А. И. Миллера и его высказывание в одном из интервью: «В рамках исторической политики, как в международных отношениях, так и в борьбе с политическими оппонентами внутри страны, политика памяти становится не инструментом врачевания травм прошлого, а средством достижения актуальных политических целей, не имеющих с этим прошлым ничего или почти ничего общего» [6].

Совершенно иное понимание сущности политики памяти, для которого свойственно представление о ней, как о полицентричном процессе, развивающемся во взаимозависимости с внешними условиями. Такая точка зрения, в частности, выражена в работах Ричарда Неда Лебоу, одного из видных западных исследователей «холодной войны». Он, в частности, подразумевает под политикой памяти «процесс, который включает большое количество акторов, — как частных лиц, так и правительственных служащих. Они имеют доступ к обширному спектру ресурсов и мобилизуют их для достижения целей, которые могут быть точечными или же иметь самые широкие масштабы. Они действуют в политической и культурной обстановке, где другие факторы, в том числе непредсказуемые или непредвиденные, помогают определить последствия их поведения и пути развития дебатов» [13]. Такая интерпретация политического процесса как динамического комплекса элементов, существующего и развивающегося в соответствии с изменениями, происходящими в комплексах более высокого порядка, близка методологии системного подхода.

Сложное комплексное осмысление природы политики памяти свойственно концепции, разработанной германской исследовательницей, историком и культурологом

Алейдой Ассман. Память как явление имеет, по мнению ученого, несколько видов, представляя как индивидуальное, социальное, коллективное, политическое и культурное явление. Отличительным свойством политической памяти является то, что она трансформирует «ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами, важнейшими свойствами которых являются убедительная сила и мощное аффективное воздействие» [1, с. 38]. При этом политическая память структурно включает национальную память или фактически синонимична ей, ее носителями (так же, как и носителями культурной памяти), являются символы [1, с. 40]. Такая трактовка рассматриваемого явления фактически приближает концепцию А. Ассман к различным конструктивистским моделям. Так, автор указывает, что социальные институты и корпорации не обладают памятью, а лишь «создают себя» через знаки и символы, тем самым формируя идентичность групп в диалектике биологической, социальной и культурной памяти. При этом исследовательница отмечает, что «то, что в 60-е и 70-е гг. называлось мифом, идеологией, с 90-х гг. обсуждается с использованием концепта “память”» [1, с. 198]. Методологическая интерпретация, предложенная А. Ассман, придает рассматриваемой проблеме антропологическое измерение, поскольку концепты «социальная память», «культурная память», «политическая память» и ряд других трактуются в прямой генетической связи с памятью индивидуальной, и именно через это отдельный индивидум, человек воспринимается как центр и отправная точка всех явлений, так или иначе связанных с сохранением прошлого в недрах общественного сознания.

Все три рассмотренных подхода, безусловно, имеют право на существование, описывая отдельные черты

проблемы политики памяти, проводимой в определенном социально-политическом пространстве. Вместе с тем инструменталистский подход, например, расходится с наблюдаемой социальной практикой, поскольку постулирует монополию государства на разработку и осуществление данной политики. Следует согласиться, что государственные институты могут (и должны) определять стратегические направления деятельности самого государства в различных сферах, а также методы и механизмы их развертывания. Вместе с тем современное политическое пространство наполнено самыми различными акторами и субъектами, которые прямо или косвенно участвуют в реализации политики памяти, в разработке конкретных методик, программ, инструментов, мер и мероприятий, относящихся к ней. Значительную роль в подобной деятельности играют некоммерческие общественные организации и средства массовой информации. Если первые по большей части занимаются разработкой и реализацией конкретных инициатив и осуществлением отдельных мероприятий, связанных с практикой исторической политики, то вторые формируют общественное мнение, которое является осязаемым средством воздействия на государственную политику.

Кроме того, развитие высоких технологий сделало возможным появление слоя людей, формулирующих свои оценки и мнения и публикующих их в пространстве сети Интернет. При этом популярность этих акторов (интернет-блогеров, сетевых публицистов и других т. н. «нетократов»), порой достаточно высока не только в компьютерных сетях, но и в пространстве традиционных медиа, что позволяет им также участвовать в конструировании как общественной, так и политической памяти.

Не стоит также забывать и о так называемой народной или общественной дипломатии, являющейся одним из инструментов «мягкой силы» — совокупности методов и средств достижения внешнеполитических целей путем использования культурных, информационных и коммуникативных инструментов. Общественная дипломатия использует в основном «негосударственные формы и методы неофициального общения и действия на различных уровнях и в рамках непрерывно разрастающейся сети НПО сообществ, межличностных, семейных и иных отношений, с применением новейших достижений в области коммуникативных технологий и способов влияния на интеллект и психику человека, на общественное мнение» [12, с. 306]. По мнению ректора МГИМО А. В. Торкунова, «гражданское общество активно включилось в создание современного мироустройства и современных международных отношений», поэтому в настоящее время происходит пересмотр традиционного понимания дипломатии как науки о взаимоотношениях собственно государств и их руководителей [10]. В силу совокупности перечисленных факторов следует говорить о *полисубъектности* современной политики памяти, причем не только внутренней, но и нацеленной на достижение целей на международной арене. Государство, тем не менее, играет ведущую роль среди субъектов данной политики.

Наличие в сфере политики памяти значительного числа разнохарактерных субъектов предполагает коммуникацию между ними, а также обуславливает необходимость определения основы для такого взаимодействия. Каждый субъект обладает известной степенью автономности, четкая иерархия между ними отсутствует, поэтому нельзя абсолютизировать ведущую роль государства

в установлении уровня и характера коммуникационных связей между ними. Представляется, что самой оптимальной методологической платформой, в рамках которой реализуются связи между субъектами политики памяти, является диалогическая концепция, предложенная М. М. Бахтиным и В. С. Библером для объяснения способа существования культуры как таковой. В частности, согласно В. С. Библеру, «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [2, с. 289]. Диалог выступает универсальным и наиболее конструктивным способом взаимодействия людей и социальных групп, являющихся носителями различных национальных культур, религиозных учений, политических позиций и взглядов на прошлое.

Диалогическое взаимодействие в сфере политики памяти придает ей гуманистическую и демократическую направленность, помогает найти общие точки в позициях представителей государственной власти, гражданского общества, ученых, журналистов, сетевых публицистов, обеспечивает комплексную органичную реализацию стратегических государственных задач. Между тем диалог сам по себе невозможен без необходимой основы, которая являлась бы базисом для взаимодействия, набором принципов, который бы разделяли все участвующие в ней субъекты, при этом такие положения должны обеспечивать необходимый минимум диалогического взаимодействия даже в условиях отсутствия формальной концептуализации исторической политики.

Представляется, что для России основой диалога субъектов в пространстве политики памяти должны стать духовно-нравственные ценности, сложившиеся в процес-

се культурного развития нашей страны. При этом правовые нормы, безусловно, имеют важное значение с одной стороны, как механизм, регулирующий общественные процессы. С другой стороны, право, по справедливому выражению И. А. Ильина, «не выходя из своих пределов, согласуется по существу с требованиями морали и является для нее подготовительной ступенью и поддержкою; а мораль, с своей стороны, служа для права высшим мерилом и руководителем, придает правовым велениям то глубокое значение и ту обязательную силу, которая присуща нормам морали (авторский курсив сохранен)» [5, с. 76].

По мысли Марка Блока, любые оценочные суждения в отношении исторических событий «имеют смысл лишь в отношении сознательно принятой системы нравственных рекомендаций» [3, с. 79], поэтому без определения системы нравственных ориентиров любая политика памяти представляется набором отдельных зачастую эпизодических мер и действий.

На протяжении нескольких столетий российская цивилизация строилась и развивалась на началах человеколюбия, справедливости, чести, совести, воли, личного достоинства, веры в добро и стремления людей к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством [9]. Признание важности культурно-исторического наследия и безусловной необходимости его сохранения также является позицией, общей для всех участников социально-политического процесса. Кроме того, за последние десятилетия в российском обществе сформировался устойчивый консенсус в отношении оценки исторических событий, имеющих непреходящее значение для прошлого России и ее настоящего (Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 г., первый

полет человека в космос и др.). Все перечисленные положения и факты определяют основание для теоретической разработки и последующего применения аксиологического подхода к осмыслению политики памяти и исторической политики. Именно традиционные ценности, передаваемые из поколения в поколение и не подвергавшиеся корректировке или девальвации даже на фоне кардинальных изменений государственного строя или политической ситуации являются незыблемой основой взаимодействия как различных политических субъектов, так и диалога прошлого с настоящим, поскольку их можно считать универсальным ключом к пониманию многовекового прошлого народов нашей страны, их чаяний и нужд, идеалов и стремлений, ожиданий и свершений.

Одной из целей политики памяти является формирование общегражданской идентичности у представителей различных этнических и конфессиональных групп. Механизмы реализации данной цели предполагают обращение к историческим событиям, имеющим определенный резонансный потенциал, фактам, известным большинству граждан, актуализацию оценок, поддерживаемых или потенциально могущих быть поддержанными этим большинством. Вместе с тем конкретные формы, в которые воплощаются политика памяти и историческая политика могут варьироваться весьма широко: от апелляций к фактам прошлого, звучащим в речах и заявлениях политических деятелей, до массовых мероприятий самой разной тематической направленности, порой даже принимающих неформальный характер (напр. ставшие ныне популярными т. н. «флешмобы»). Вместе с тем необходимым условием успешного функционирования той или иной акции или системы мероприятий в контексту-

альном пространстве политики памяти с учетом необходимости достижения целей обеспечения единения гражданского общества является общенациональный характер таких акций или мероприятий. Вторым решающим условием при этом выступает их позитивно-созидательная направленность, третьим, вытекающим из самой природы исторической политики, — тематическая связанность с теми или иными событиями прошлого или объектами культурного наследия.

Подытоживая вышеизложенное, следует заключить, что современная государственная политика памяти носит полисубъектный характер, при этом не все ее субъекты действуют от лица государственной власти. Такое расширение круга политических акторов, рассматриваемое в аспекте национальной консолидации через упрочение гражданско-государственной идентичности, имеет положительное значение. Государственная политика памяти при этом выступает в качестве пространства, в котором разнообразные субъекты вступают между собой в диалог, основой которого являются традиционные духовно-нравственные ценности, формировавшиеся на протяжении многовекового исторического развития народов России, создавших уникальную российскую цивилизацию и бессмертную культуру. Принятие общих и незыблемых ценностных ориентиров обеспечивает успешность диалогического взаимодействия различных политических субъектов, научного сообщества и всего социума, а также определяет созидательный характер политики памяти, нацеленной на консолидацию общества, укрепление российского государства и упрочение его позиций в стремительно меняющемся современном мире.

Использованная литература:

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. *Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры М.: Изд-во политической литературы, 1991.
3. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973.
4. *Богатырева Т. Г.* Современная культура и общественное развитие. М.: Российская академия гос. службы, 2001.
5. *Ильин И. А.* Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4.
6. *Миллер А. И.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России. Интервью [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 66–75 . URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/5/istoricheskaya-politika-i-ee-osobennosti-v-polshe-ukraine-i-rossii> (дата обращения: 11.05.15).
7. *Миллер А. И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти России // Полития. 2013. № 4 (71). С. 114–126.
8. *Миллер А. И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «О Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2015. 8 июня. URL: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 16.09.15).
10. *Торкунов А. В.* Наука о разумных отношениях [Электронный ресурс] // Стратегия России. 2006. № 3.

URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_top.php?subaction=showfull&id=1143025211&archive=1143026070&start_from=%20%20&ucat=14 (дата обращения: 16.09.15).

11. Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2010.
12. Шершнев И. Л. Общественная дипломатия России в формировании справедливого миропорядка: гуманитарное измерение // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2. С. 300–308.
13. Lebow R. N. The Memory of Politics in Postwar Europe // The Politics of Memory in Postwar Europe / Eds. R. N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham N. C.: Duke University Press, 2006.
14. Levy D., Dierkes J. Nationhood in German Legislation // Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past / Ed. J.-W. Muller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
15. Wicke Ch. Helmut Kohl's Quest for Normality. His Representation of the German Nation and Himself. N. Y.: Berghahn Books, 2015.